А.А.Турилов, А.В.Чернецов

К КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЕРЕСИ "ЖИДОВСТВУЮЩИХ"[I]

Вопрос о новгородско-московской ереси рубежа ХУ-ХУI вв. представляет исключительное значение для изучения истории средневековой Руси[2]. Это движение, несомненно, неслучайно возникает в самый момент перерождения раздробленной Руси в могучее централизованное государство, неслучайно и то, что оно затронуло высшие слои общества. Очевидно, мы имеем дело с осознанными поисками нового в области идеологии, вызванными гигантской перестройкой всей общественной жизни, происходившей в это время. Характерно, что это яркое явление происходит не после, а до начала Реформации в Западной Европе, и является одним из наиболее заметных движений предреформационного периода. Эти поиски нового были довольно скоро пресечены по инициативе наиболее консервативной части духовенства, к которой после некоторых колебаний присоединился Иван Ш. Духовная жизнь ХУI в. подверглась "жесткой унификации" (выражение Я.С.Лурье)[3]. Однако сама возможность

I Статья представляет собой расширенное изложение доклада "О составе и позднейших судьбах книжности русских еретиков рубежа ХУ-ХУI вв.", зачитанного авторами 26 апреля 1988 г. на конференции "Православие в древней Руси", проводившейся Государственным музеем истории религии и атеизма.

2 Казакова, Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси ХIУ - начала ХУI вв. М.-Л., Издательство АН СССР, 1955, с. 74-224; Клибанов А.И. Реформационное движение в России в ХIУ - первой половине ХУI в. М., Издательство АН СССР, 1960.

3 Лурье Я.С. Общерусские летописи ХIУ-ХУ вв. Л., Наука, 1976, с. 260.

возникновения этой всеобъемлющей и мелочной регламентации (приведшей в середине столетия к созданию "Стоглава" и "Домостроя") возникла благодаря появлению ереси и реакции на нее - полемических и апологетических писаний консервативного духовенства. Полемика, связанная с ересью, явилась своего рода толчком, в результате которого литературная деятельность приобрела на Руси невиданный ранее размах.

Еретическое движение и реакция на него явились сильнейшим импульсом едва ли ни для всей интеллектуальной деятельности ХУІ в. Именно от этого идеологического катаклизма ведут свой отсчет и творения Иосифа Волоцкого и его последователей, и полемика "осифлян" с "нестяжателями" и всех их единомышленников и оппонентов (включая такие имена как Максим Грек, Иван Грозный, Курбский). Торжество осифлян над вольномыслием отразилось и в создании таких грандиозных и характерных произведений, как "Стоглав", "Домострой", сочинения Зиновия Отенского... Между тем изначальный импульс, вызвавший столь бурную реакцию остается на сегодняшний день неясным и трудноуловимым.

Еретическое движение рубежа ХУ-ХУІ вв. не было массовым, подлинно народным движением; оно не отличалось также организованностью или способностью оказывать влияние на текущую политику (хотя ряд еретиков занимал важные посты в государстве). И по своей сущности, и по своим последствиям это было в первую очередь идеологическое явление, и именно в области идеологии (и только в этой области) русская ересь ХУ-ХУІ вв. была явлением крупного масштаба.

При всем том как раз идейные взгляды еретиков в силу ряда обстоятельств оказались изучены несравненно слабее, чем так называемая "внешняя история" ереси. Причина такого положения в том,

что основные материалы, дошедшие до нас, вышли из лагеря противников ереси.

Все же, в отличие, например, от ереси стригольников, сведения о которых происходят исключительно из лагеря их идейных противников, о еретиках ХУ-ХУI вв. мы располагаем и иной информацией. Сохранившееся собственное творчество московских еретиков весьма скудно. Единственный сколько-нибудь значительный связный текст - "Лаодикийское послание" Федора Курицына[4] предоставляет весьма мало данных для реконструкции верований и учения еретиков. По существу отличия ереси от православия памятник не раскрывает вообще.

Кроме собственных сочинений русских еретиков известны также некоторые тексты, о популярности которых в еретической среде есть более или менее достоверные сведения. Нам известны тексты книг "Шестокрыл"[5] и "Логика"[6]. О первой из них известно, что

---

4 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Ук. соч., с. I78-I80, 256-276; Lilienfeld F. von. Die Häresie des Fedor Kuricyn // Forschungen zur Osteuropäische Geschichte. Wiesbaden, 1978, Bd. 24, S. 39-64.

5 Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIУ-ХУП вв. СПб., I903, с. 4I3-4I8.

6 Там же, с. 40I-409; Зубов В.П. Неделимые и бесконечные в русском памятнике ХУ в. // Историко-математические исследования. М., I950, вып. 3. Отметим, что в литературе высказывалось также предположение, что название "Логика" в данном случае соответствует "Диалектике" Иоанна Дамаскина (см.: Григоренко А.Ю. Свободомыслие на Руси конца ХУ - начала ХУI вв. // Автореферат канд. дисс. Л., I987, с. I3-I4).

она была у еретиков и они основывали на ней свои выкладки относительно конца света. Вторая просто упомянута среди книг, которые "у еретиков есть" (остальные книги, названные в этом перечне носят вполне благочестивый характер).

"Логика" и "Шестокрыл" - книги, переведенные с еврейского языка; место перевода - Великое княжество Литовское, скорее всего - Белоруссия. Их содержание - научное; "Шестокрыл" мог также использоваться дл[3] астрологических расчетов. Реконструировать с помощью этих книг вероучение еретиков не представляется возможным.

В научной литературе существует тенденция относить к литературе "жидовствующих" также иные книги, представляющие собой переводы с древнееврейского, осуществленные около этого времени, в том числе и переводы некоторых библейских книг. Однако бесспорных оснований для такого расширения круга литературы еретиков нет[7]. В частности, одни исследователи считают так называемую "Псалтырь Федора Еврея" (сделанный в Москве перевод иудаистского молитвенника) связанной с ересью, и видят в ней еретические псалмы, о которых упоминает новгородский архиепископ Геннадий[8], а другие высказывают в этом обоснованные сомнения[9].

Определенные основания для восстановления литературы еретиков дают списки " еретических" книг, содержащиеся в памятни-

---

7 Казакова Н.А., Лурье Я.С., Ук. соч., с. 83-87, 144.

8 Сперанский М.Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Федора Еврея. // Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1907, т. 2, отд. 2.

9 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Ук. соч., с. 84-86.

ках середины ХУI в. - "Стоглаве"[10] и "Домострое"[11]. Приведем их сводный список: "Рафли", "Шестокрыл", "Вороноград", "Острономии", "Зодеи", "Алманах", "Звездочетьи", "Аристотель", "Аристотелевы врата", "Чернокнижье". Список включает названия, неизвестные в ранних списках ложных книг. Некоторые книги неизвестны ("Вороноград"), другие трудно бесспорно соотнести с конкретными текстами ("Острономеи", "Зодеи", "Алманах", "Звездочетьи").

Особое внимание среди этих текстов привлекают "Аристотелевы врата". Это сочинение большая часть исследователей сопоставляет с известным текстом "Тайная тайных"[12]. В отличие от "Шестокрыла", "Логики", астрологических и гадательных книг "Тайная Тайных" - трактат, включающий разделы моралистического и теоретического характера, который можно использовать для характеристики среды, в которой он бытовал, ее этических и отчасти политических воззрений. Если "Тайная Тайных" - "Аристотелевы врата" - памятник литературы, связанный с ересью, то можно говорить о значительном влиянии этой ереси на культурную жизнь ХУI-ХУП вв., т.к. в отличие от "Шестокрыла" и "Логики", представленных единичными списками, это произведение переписывалось значительно чаще. Однако связь "Тайной Тайных" с ересью требует серьезной

---

10 Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинах (Стоглав). М., 1890, с. 188, 189.

11 Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, с. 22.

12 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг. СПб., 1908, вып. 4 (Аристотелевы врата или Тайная Тайных); Pseudo-Aristotles: The Secret of Secrets. Sources and Influences. Edited by W.F. Ryan and C.B. Schmitt (Warburg Institute Surveys IX). London, 1982.

аргументации, так как даже само тождество этого сочинения с "Аристотелевыми вратами" признано не всеми исследователями.

"Тайная Тайных" переведена с восточного оригинала (причем содержит гебраизмы и арабизмы) в западнорусских землях и в этом плане близка "Шестокрылу" и "Логике". Поскольку содержащееся в книге учение приписано Аристотелю, а сам текст разбит на главы-врата, это сочинение отождествили с "Аристотелевыми вратами". В "Стоглаве" "Аристотелевы врата" осуждаются за то, что по ним можно гадать об исходе судебного поединка[13]. Таблица для такого гадания действительно встречается в рукописях "Тайной Тайных"[14]. В "Стоглаве" "Аристотелевы врата" названы еретической книгой. В более ранних источниках названия "Аристотелевы врата" или "Тайная Тайных" не встречаются. Однако ряд ученых полагает, что эта книга упомянута в одном из посланий Максима Грека еще двадцатых годов XYI в. - "Аристотелевы астрономии"[15]. Поскольку Аристотель для книжников XYI в. нарицательное название мудреца, а астрономическим или астрологическим сочинением "Тайную Тайных" назвать никак нельзя, ссылка на это упоминание не вполне убедительна. Есть мнение, что "Тайная Тайных" упоминается в предисловии к одному из изданий Скорины I5I9 г., где есть слова "Соломонова и Аристотелева житейская мудрость"[16]. Здесь также нельзя быть

I3 Стоглав, с. I8I, I82.

I4 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. I74.

I5 Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, I894, ч. I, с. 287.

I6 Скарына Ф. Прадмовы I пасляслоуI. МIнск, Навука I тэхнIка, I969, с. 24.

вполне уверенным в том, что речь идет о конкретном литературном произведении. Фраза из предисловия к "Логике", где упомянут "славный во вратех Аристотель" также оставляет место для сомнений. Слова "славный во вратех" могут рассматриваться не как указание на название книги, а как библеизм (Ср.: Притчи, 31, 23).

В 1928 г. М.Н.Сперанский, посвятивший крупную работу "Тайной Тайных", которую он первоначально отождествлял с "Аристотелевыми вратами", обнаружил неизвестный ранее текст, который побудил его отказаться от своего определения[17]. Это небольшое гадательное сочинение в рукописи озаглавлено "Врата Аристотеля...". Выводы, сделанные М.Н.Сперанским из этой находки, поставили под сомнение целый ряд построений, уже ставших в науке привычными. Поскольку М.Н.Сперанский отрицает тождество "Аристотелевых врат" и "Тайной Тайных", возникает сомнение была ли "Тайная Тайных" запретным сочинением (поскольку представление об этом основано на упоминании "Аристотелевых врат" в "Стоглаве"). Если же "Тайная Тайных" не является ни сочинением, связанным с ересью, ни запретным текстом, тогда ее бытование в русской книжности ХVI-ХVII вв. не представляет собой какого-то выдающегося явления. Наконец, если М.Н.Сперанский в своей позднейшей работе прав, то, конечно, всякие попытки реконструировать учение еретиков исходя из текста "Тайной Тайных" совершенно неоправданы.

Находки последних лет позволяют еще раз вернуться к вопросу об отреченных книгах, перечисленных в "Стоглаве" и "Домострое". Дело в том, что наконец обнаружен текст гадательной книги

---

17 Сперанский М.Н. "Аристотелевы врата" и "Тайная Тайных" // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1928, т. 101, с. 15-18 (ГИМ, Музейское собр. № 1226, лл. 292-307 об.).

"Рафли"[18] (с названием которой до сих пор нередко ошибочно связывались иные тексты). Эта книга, как оказалось, проливает свет на происхождение и дальнейшую судьбу целого ряда текстов, в частности, на соотношение "Тайной Тайных" и "Аристотелевых врат".

Выяснилось, что краткий текст, озаглавленный в рукописи ГИМ "Аристотелевыми вратами" на самом деле представляет собой упрощенную разновидность одной из неотъемлемых частей гадательной книги "Рафли". Очевидно, название "Аристотелевы врата" перенесено на нее вторично, ошибочно по двум причинам. Во-первых, потому, что этот текст относится к тому же кругу что и настоящие "Аристотелевы врата" - "Тайная Тайных". При этом в оригинале обе книги могли следовать одна за другой, следствием чего и могла стать путаница названий. Во-вторых потому, что главы в этом тексте носят названия "врат" (так же как и в ряде других текстов сходного происхождения). Таким образом отождествление "Аристотелевых врат" и "Тайной Тайных" остается в силе, причем ясно, что этот текст в древней Руси считали запретным и еретическим.

Книга "Рафли", также как "Шестокрыл", "Логика" и "Аристотелевы врата" обнаруживает следы западнорусского происхождения и существования восточного первоисточника. Наряду с тем, что она фигурирует в тех же списках ложных книг, где и "Шестокрыл" и "Аристотелевы врата", это свидетельствует в пользу их общего происхождения. Если одновременное появление в славянской книжности "Шестокрыла" и "Аристотелевых врат" может быть аргументиро-

---

18 Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., Наука, 1985, т. 40, с. 260-344.

вано лишь предположительно, то "Рафли" бесспорно были известны на Руси уже в конце ХУ в. Схематический рисунок, связанный именно с этим гаданием (которое невозможно без текстов-руководств) имеется в рукописи Радзивилловской летописи, причем он одновременен ее созданию (предшествует раскраске миниатюр)[19].

Представляется, что обнаруженный текст "Рафлей" окончательно решает вопрос о том, что это сочинение, "Шестокрыл", "Логика" и "Аристотелевы врата" составляли круг чтения еретиков рубежа ХУ-ХУI вв. и появились в восточнославянской книжности единовременно и из одного центра. Действительно, на западнорусское происхождение "Рафлей" кроме некоторых языковых особенностей указывает и древнейший след практикования этого гадания (Радзивилловская летопись, написанная скорее всего в Полоцке, во всяком случае - в Великом княжестве Литовском).

Даже если считать, что переводные сочинения, связанные с ересью ограничиваются упомянутыми четырьмя, то и в этом случае следует отметить значительный размах воплотившейся в них переводческой деятельности, поскольку как текст "Рафлей", так и "Тайной Тайных" весьма значительны по объему. В связи с тем, что речь идет о переводах с языков, знание которых у восточных славян имело ограниченное распространение, эта деятельность представляется особенно значительной.

В связи с изучением еретического движения ХУ-ХУI вв. обращает на себя внимание по существу парадоксальное явление. Действительно, ересь, как движение, вызвавшее общественный резонанс, появляется в Московском государстве. Между тем основная культур-

---

19 Там же, с. 268; Чернецов А.В. Об одном рисунке Радзивилловской летописи. // Советская археология, 1977, № 4, с. 301-306.

ная деятельность, связанная с еретическим движением (во всяком случае та, которая оставила какие-то следы) относится к несколько более раннему времени, к иной территории и фактически анонимна (если не считать, что переводами занимался сам пресловутый Схария и его немногочисленные сподвижники, названные по именам).

Очевидно, культурный импульс, приведший в Московской Руси к появлению еретического движения - одна из ветвей ренессансных тенденций, возникших на территории Великого княжества Литовского. Если так, то мы вправе ставить вопрос о соотношении новгородско-московской ереси и идейных взглядов крупнейшего деятеля белорусского Ренессанса - Франциска Скорины. Действительно, издания Скорины демонстрируют своеобразный индифферентизм по отношению к вероисповедной оппозиции православия и католицизма. Вероятно неслучайна его связь с Прагой - городом, где существовала значительная веротерпимость. Отметим, что во второй половине ХУI в. князь Курбский прямо писал о протестантском характере изданий Скорины[20], а единственным издателем, использовавшим шрифты, повторяющие скоринские был С.Будный, кальвинист, затем антитринитарий.

Теснейшие культурные связи Московской Руси с Великим княжеством Литовским в конце ХУ-ХУI вв. хорошо известны[21]. Характерно, что многие русские еретики ХУI в. находили себе убежище

---

20 Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. // Русская историческая библиотека, т. XXXI, СПб., 1914, с. 401-403.

21 Седельников А.Д. "Послание от друга к другу" и западнорусская книжность ХУ в. // Известия АН СССР, ХП сер., Отд. гуманитарных наук. 1930, № 4.

за литовским рубежом. Было известно в Великом княжестве Литовским и сочинение московского еретика Федора Курицына – "Лаодикийское послание". Действительно, единственный случай использования системы тайнописи, содержащейся в этом тексте, принадлежит западнорусскому писцу первой половины XVI в. Матвею Десятому[22].

Тексты сочинений, распространение которых удается связать с еретиками XV–XVI вв. сложны для интерпретации в плане проникновения в учение ереси. Это обусловлено прежде всего тем, что это не оригинальные, а переводные сочинения. При этом не всегда есть полная ясность, с какого языка осуществлен перевод.

"Шестокрыл" безусловно переведен с древнееврейского; упоминания еврейских авторов и гебраизмы встречаются также в "Логике" и "Аристотелевых вратах". Однако, наряду с этим, в тексте "Тайной Тайных" известны также арабизмы. В самом произведении говорится о том, что оно было первоначально написано по-гречески, а затем переведено на арабский ("арапский")[23]. Действительно, оригинал этого сочинения арабский. Не могла ли "Тайная Тайных" быть прямо переведена на славянский с арабского? При этом гебраизмы перевода могут быть объяснены за счет переводчиков-евреев. Арабская книжность была распространена в те времена среди евреев (в том числе написанные по-арабски сочинения авторов-евреев). Очень вероятен также перевод именно с арабского оригинала для книги "Рафли" (где часть текста фигурирует под названием "святцы арапские... преведены по-словенски")[24]. Действительно, гадатель-

---

22 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Ук. соч., с. 177; Сперанский М.Н. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. // Энциклопедия славянской филологии, вып.4,3. Л.,1929, с. 106.

23 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. 137.

24 Турилов А.А., Чернецов А.В. Ук. соч., с. 278, 296, 307-316.

ные книги сходного содержания известны у арабов[25]. Сама принципиальная возможность прямого перевода с арабского на славянский в ХУ в. сомнений не вызывает, поскольку в рукописях, начиная с этого времени встречается небольшой отрывок календарно-астрономического содержания, несомненно переведенный с арабского[26].

Окончательное разрешение данного вопроса настоятельно требует сотрудничества филологов разного профиля. М.Н.Сперанский хотя и довольно широко использовал при работе с "Тайной Тайных" иноязычные параллели, однако ни еврейские, ни арабские тексты(о существовании которых он пишет) не были ему доступны. Между тем как раз сличение славянских переводов с их непосредственными источниками могло бы многое прояснить в работе переводчиков, в частности не подвергали ли они текст каким-то редакторским изменениям в связи с той или иной тенденцией и т.п.

Все же еще до окончательного разрешения вопроса о переводах, в результате которых сложилась книжность еретиков, можно

---

25 Doutte E. Magie et religion dans l'Afrique du Nord. Algers, 1908, p. 226-234; Tannery P. Le Rabolion // In: Tannery P. Memoires scientifiques. Toulouse et Paris, 1920, v.IV, p. 299-317. Подобные арабские тексты известны также в записи еврейской графикой (Арабские сочинения в еврейской графике. Каталог рукописей (сост. В.В.Лебедев). Министерство культуры РСФСР, Гос. Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Л., 1987, с. 102, № 484, 485).

26 Рачева М. Към ранните заемки от арабски произход в славянските езици: няколко редки астрономически названия - заемки в старобългарски или в староруски език? // Palaeobulgarica / Старобългаристика, София, 1981, У, № 3.

отметить один, весьма важный факт. Еретическое движение, корни которого уходят в Великое княжество Литовское не было простым следствием восприятия элементов западноевропейской цивилизации. Тем более его нельзя свести исключительно к польскому влиянию на культуру восточнославянских народов. В поисках идей, отсутствующих в традиционной славянской книжности, какая-то часть западнорусского населения (для которой осуществлялись переводы) обнаруживает интерес к восточной традиции.

В плане реконструкции круга книжности еретиков - "жидовствующих" значительный интерес представляет список отреченных книг "Стоглава". Может быть весь этот список отражает именно книжность еретиков - "жидовствующих" (последнего по времени еретического движения, с которым приходилось иметь дело русской церкви до этого собора)? Такое положение может быть принято как допущение, требующее дальнейшей проверки. Значительную трудность представляет тот факт, что ряд названий этого списка не поддается отождествлению с конкретными известными текстами.

Так или иначе, ясно, что уточнение сведений о любой книге, указанной в списке "Стоглава", отыскание ее текста, или хотя бы ссылок на нее в составе других сочинений, должно рассматриваться как важный шаг вперед в деле прояснения вопроса об идеологии "жидовствующих".

Введение в научный оборот книги "Рафли" (редакция псковского книжника Ивана Рыкова, созданная в 1579 г.) существенно усилило правомерность отождествления списка "Стоглава" с книжностью "жидовствующих". В ее основе, так же, как и в случае с "Шестокрылом" и "Аристотелевыми вратами", лежит текст, переведенный в Белоруссии с восточного оригинала. Имеющееся в тексте "Рафлей"

текстуальное совпадение в "Логикой"[27] еще теснее привязывает "Рафли" к книжности еретиков.

В том же 1579 г. Иваном Рыковым, наряду с "Рафлями" было создано другое "творение" календарно-астрономического содержания – так называемое "Предисловие святцам" (последнее представлено двумя именными списками и множеством анонимных)[28]. Отметим, что полный именной список по рукописи середины ХУП в. соседствует с единственным творением московских еретиков – "Лаодикийским посланием"[29].

Сопоставление календарно-астрономического сочинения Рыкова и его редакции книги "Рафли" показывает, что для создания обоих компилятивных текстов в ряде случаев использовались одни и те же отрывки. В составе книги "Рафли" упоминаются календарно-астрономические тексты и таблицы, отсутствующие в "Предисловии святцам". По-видимому, это последнее было на самом деле лишь предисловием к обширному сводному трактату.

Нам уже приходилось писать о возможном авторстве Ивана Рыкова по отношению к еще одному тексту, озаглавленному "Жил стрекание", содержащему медикоастрологическое руководство для кровопускания[30]. Это произведение связывает с творениями Ивана Рыкова календарно-астрономическая и астрологическая проблематика,

---

27 Турилов А.А., Чернецов А.В. Ук. соч., с. 281, 302.

28 Там же, с. 273–275; они же. Софроний, книгчий Ивана Грозного и адресованное ему сочинение. // Археографический ежегодник за 1982 г. М., Наука, 1983, с. 88, 89.

29 ЦГАДА, ф. 188, собр. ЦГАДА, оп. 1, № 632, лл. 27, 27 об.

30 Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 276; Соболевский А.И. Ук. соч., с. 132.

то, что это русский авторский текст, созданный "многогрешным Иваном". Как и творениям Рыкова, этому сочинению придана эпистолярная форма, слово "святцы" в нем также фигурирует в значении "календарь". В рукописи из собрания ГПБ "Жил стрекание" непосредственно предшествует "Предисловию святцам" (в данном случае список анонимный)[31]. В рукописи ГИМ это сочинение завершается словами "сия книга списася мужем некиим кир Иоанном, прежде шести дней календа июня в день недельный в праздник Ферапонтов"[32].

"Жил стрекание" представляет собой значительный интерес в связи с тем, что в его тексте имеются указания на связь этого сочинения с целым рядом иных памятников книжности. "Многогрешный Иван" указывает на несамостоятельный характер своего творения, на то, что он заимствует премудрость "еллинских и латинских доктор", "римских, еллинских и халдейских докторов и астрологов". Он упоминает русские и латинские лунники, книги "Астрономия", "Алманах", "Маментос" ("Мамелтос" - ?), сочинение Гиппократа ("Пократа"), адресованное царю Птоломею. Действительно, в состав сочинения входит фрагмент известного текста "Галиново на Ипократа". "Гибель светильником" (очевидно, лунные и солнечные затмения, а также фазы луны) рекомендуется "учинять по Шестокрылу" (рукопись ГПБ, л. 189 об.; рукопись ГИМ, л. 245).

Это единственное известное в древнерусской книжности упоминание "Шестокрыла" в качестве рекомендуемой книги. В других случаях она упоминается преимущественно как одиозная, запретная. Отметим, что названия книг "Астрономия", "Алманах", "Шестокрыл" известны по индексу "Стоглава".

---

31 ГПБ, Q XVII, 67, лл. 189-192.

32 ГИМ, Щук. 295, л. 244-275.

Особую ценность сочинению "Жил стрекание" придает имеющийся в нем перечень пособий, необходимых для медикоастрологической (иатроматематической) деятельности. Это своего рода оглавление "святцев" (календаря), в данном случае отождествленных с альманахом (рукопись ГПБ, л. 189 об.; рукопись ГИМ, л. 245 об., 246).

"I. Число месячное. 2. Слова неделные. 3. Солнечное шествие в зодии. 4. Лунное шествие по зодиям. 5. Пяти планит вхождение в зодеи. 6. Четыре времени. 7. Два солнцестатия. 8. Два равноденства. 9. Календы, ноны и дус. 10. Дни египецкие. 11. Дни собачи. 12. Дни добрые и злые. 13. День когда и нощь колико часов имать. 14. Когда кои ясти ествы. 15. Идеже святцы без алманаха, ключ зодейной. 16. Числа из Врат Аристотелевых. 17. Число правилное солнечное. 18. Число правилное лунное. 19. Пасхалиа по святцом. 20. Паки по алманаху погодиа, ветры /.../. 21. Пакы царствием и градовом и царем и людем мятеж и проче вся благаа и злаа того году /.../. 22. Рождение луны. 23. Новый перекрой. 24. Ущерб луны. 25. Верхний перекрой" (в рукописи ГИМ, пункты 22-25 отсутствуют).

Этот перечень требует некоторых комментариев. Почти все пункты связаны с текстами или таблицами календарно-астрономического характера. Пять из них носят несомненно астрологический характер. Это пункт 10, "Дни египетские" (разновидность статьи о "злых днях"), пункт 12, "Дни добрые и злые" (ср. во второй части книги "Рафли", врата 30, "Дни смотрить и часы добрые и злые")[33], пункт 14, "Когда кои ясти яствы" (сходный текст во второй части книги "Рафли" - врата 60, "Разсмотряти, в кои день

---

33 Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 331, 332.

слатко ясти")[34], пункт 20 "Пакы по алманаху погодиа, ветры..." (предсказания погоды), пункт 21 "Пакы царством и градовом и царем и людем мятеж, и проче вся благаа и злаа того году".

Некоторые пункты оглавления перекликаются с названиями глав календарно-астрономического творения Ивана Рыкова. Это пункт 6. "Четыре времени" (ср. гл. 3 "О четырех временах года"), пункт 7, "Два солнцестатия" (ср. гл. 4 "О солнечном статии"), пункт 9, "Каланды, ноны и дус" (ср. гл. 6 "О каландах нонах и дусех"). Пункт 13, "День когда и нощь колико часов имать" находит параллели в текстах, связанных с Иваном Рыковым и в рукописях, включающих его творения. Пункты 3–5, "Солнечное" и "Лунное шествие по зодиям", а также "Пяти планит вхождение в зодеи" могут быть сопоставлены с гл. 12 "О двенадцати зодиях". Пункты 10 и 11 – "Дни египетские" и "собачи" соответствуют статье, имеющей в рукописи ЦГАДА, содержащей календарно-астрономическое творение Рыкова[35].

В оглавление включено название еще одной книги, известной по индексу "Стоглава" – "Аристотелевы врата"."Числа из Врат Аристотелевых" – это, несомненно, таблица для определения "чисел имен" и дальнейшего гадания об исходе боя или поединка. Данное указание, как и текст книги "Рафли", свидетельствует о том, что "Аристотелевы врата" индекса "Стоглава" тождественны известному тексту – "Тайной Тайных".

Таким образом, анализ состава "Жил стрекания" свидетельствует о его значительной близости кругу книжности, вошедшей в индекс "Стоглава" и творений Ивана Рыкова, что является дополни-

---

34 Там же, с. 337.

35 ЦГАДА, ф. 188, собр. ЦГАДА, оп. 1, № 632, лл. 40 об., 41.

тельным аргументом в пользу отождествления "многогрешного Ивана" с этим псковским книжником.

Итак, из числа сочинений, входящих в индекс "Стоглава", в текстах, так или иначе связанных с Иваном Рыковым фигурируют: "Рафли", "Шестокрыл", "Алманах", "Астрономии" и "Аристотелевы врата" (5 из 9). При этом одно из этих 9 ("Аристотель") - очевидно дублирующее к "Аристотелевым вратам". Еще два названия - "Зодеи" и "Звездочетьи" весьма вероятно соответствуют конкретным текстам, также известным Рыкову. "Зодеи" могли соответствовать гл. 2 календарно-астрономического творения Рыкова ("О двенадцати зодиях"), а также пунктам 3-5 оглавления в "Жил стрекании". "Звездочетьи" возможно то же, что и "Астрономия". Во всяком случае скорее всего это какой-то сводный календарно-астрономический (астрологический) трактат, частично или полностью известный Рыкову.

Единственное название, безусловно пока не находящее соответствия в текстах, связанных с Иваном Рыковым - "Вороноград". Таким образом, круг чтения Рыкова скорее всего включал список "злых ересей" полностью, а большую часть списка - бесспорно. Этот список, очевидно, носит неслучайный характер, и соответствует единому комплексу книжности, определенно тяготеющему к книжности "жидовствующих".

То, что характер книг в списке "Стоглава" преимущественно астрологический, едва ли позволит полностью раскрыть на основе их изучения специфические черты еретического учения как такового. Однако известный прогресс в этом направлении возможен. Восприятие астрологии как "точной науки" не могло не способствовать определенной деформации религиозного сознания, особенно в области теологического вопроса о свободе воли. Этот вопрос нашел свое

отражение как в переводах западнорусского происхождения ("Аристотелевы врата"[36]), так и в оригинальном памятнике московской книжности ("Лаодикийское послание"[37]). В обоих случаях утверждается положение о существовании свободной воли, что не соответствует типичным воззрениям западных протестантов (особенно - кальвинистов). Однако в контексте разнообразных реформационных учений такие представления о "свободной воле" могли встречаться даже у некоторых радикальных группировок (например - у "польских братьев"[38]).

В связи с вопросом о социально-политическом характере взглядов еретиков значительный интерес представляет мысль А.И.Соболевского о том, что в "Тайной Тайных" отразились политические тенденции, связанные с аристократией, боярством. В словах: "Александр, ведай иже бояре крепость земная и честь царская..."[39] А.И.Соболевский видит источник политической концепции князя Курбского. Это положение, однако, вызывает ряд возражений. Аристократу, потомку владетельных князей А.М.Курбскому едва ли вообще были нужны литературные источники, чтобы придти к своим представлениям о политическом значении боярства. Вряд ли можно усматривать тиран-

---

36 Сперанский М.Н. из истории отреченных книг, с. 154.

37 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Ук. соч., с. 265, 272.

38 The Polish Brethren. Documentation of the History and Thought of Unitarianism in the Polish-Lithuanian Commonwealth and in the Diaspora, 1601-1685. Edited, Translated and Interpreted by G.H. Williams // Harvard Theological Studies, XXX, 1980, part 1, p. 104, 107-109, 229.

39 Соболевский А.И. Ук. соч., с. 419; сноска 2; Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. 167.

ноборческие мотивы (хотя бы в смягченной форме) в "Тайной Тайных", которая несомненно представляет собой законченное выражение монархической идеологии. Действительно, содержание книги - советы Аристотеля (и других мудрецов) царю. А.С.Орлов справедливо назвал "Тайную Тайных" "домостроем для царей"[40]. Наряду с поучениями как "миловать" своих подданных, "Тайная Тайных" содержит и совсем иные. Слова "Налепший царь подобен орлу, а около его все стервище; а напущи царь что подобен стерву, а около его орлы"[41], ближе взглядам Ивана Грозного и Вассиана Топоркова, чем Курбского. Думается, что обращаться к тексту "Тайной Тайных" для характеристики социально-политических взглядов ее читателей следует с чрезвычайной осторожностью.

Ввиду становящейся все более очевидной близости или даже тождества некоторых ренессанскных явлений в белорусских городах и идеологии "жидовствующих", большой интерес представляют богословские позиции, которых придерживалась центральная фигура белорусского Ренессанса - Франциск Скорина. В последнее время удалось установить, что напечатанные им каноны являются его авторскими сочинениями, поскольку они содержат акростихи с его именем[42].

---

40 Орлов А.С. Древняя русская литература. М.-Л., Издательство АН СССР, 1937, с. 289.

41 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. 147.

42 Турилов А.А. Гимнографическое наследие Франциска Скорины в рукописной традиции (к вопросу о научном описании и изучении рукописей традиционного содержания) // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции. Л., Наука, 1981, с. 243-247.

Один из канонов "Имени Иисуса Христа" указывает на позицию Скорины в контексте полемики "реалистов" и "номиналистов". Последняя была, конечно, известна Скорине, получившему европейское университетское образование. Позицию Скорины нельзя назвать типичной для протестантизма; она, как и трактовка в "Лаодикийском послании" вопроса о свободе воли, отражает или специфику религиозных исканий в Восточной Европе, или мозаичный, неустойчивый характер идеологии вольнодумцев рубежа ХУ-ХУI вв.

Наряду с вопросом об идейной сущности ереси встает и другой - о ее влиянии на позднейшую русскую культуру. И здесь могут быть намечены некоторые дополнительные штрихи.

Популярная у еретиков книга "Шестокрыл", как известно, сохранилась в единственном списке. Списки "Лаодикийского послания" многочисленны, однако оно по-видимому переписывалось как образец книжной премудрости, тогда как его идейное содержание едва ли воспринималось. То, что сочинение вышло из среды еретиков, по-видимому было забыто.

Дополнение списка книг, связанных с ересью "Тайной Тайных" и "Рафлями" существенно расширяет наши представления о судьбах культурного наследия еретиков. "Тайная Тайных" представлена целым рядом списков, причем они имелись у русских царей ХУП в. и у патриарха Никона[43].

Наиболее органично связанной с русской книжностью оказалась судьба книги "Рафли". Появившись в славянской письменности как переводной гадательный текст, она не только пережила разгром ереси, но и подверглась во второй половине ХУI в. русской авторской переработке псковского книжника Ивана Рыкова. Календарно-

---

43 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. 5, 125.

астрономические труды того же автора впоследствие органично влились в компилятивные "Миротворные круги" ХУП в.

Редакция "Рафлей", принадлежащая Ивану Рыкову отличалась от первоначальной главным образом введением в текст благочестивых и молитвенных пассажей. По-видимому он надеялся преодолеть сложившиеся у духовенства представления об этой книге. Наряду с этим руссификации подверглись и собственно гадательные тексты (варианты предсказаний). Русская переработка текста книги "Рафли" продолжалась и далее. Об этом свидетельствует список, обнаруженный М.Н.Сперанским, где часть книги "Рафли" при наличии несомненной текстологической связи с основным текстом, превратилась в особую, упрощенную и сокращенную версию гадательной книги[44]. В ходе работы русских компиляторов в текст "Рафлей" вводились отрывки из других сочинений, известных в русской книжности[45], Известно и заимствование из книги "Рафли" в "Сказании о великом Славенске" (ХУП в.). Это имя одного из легендарных древнейших русских князей современника Александра Македонского (Авенхасан; в "Рафлях" есть персонаж носящий имя Авенгасан)[46]. На примере книги "Рафли" становится ясной тесная связь литературы "жидовствующих" с русской книжной традицией ХУ-ХУП вв. Важно, что передатчиком культурного наследия, связанного с ересью выс-

---

44 Сперанский М.Н. "Аристотелевы врата..."; Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 282, 283, 321-331.

45 Турилов А.В., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 279, сноска 54, с. 280, сноски 59 и 62.

46 Там же, с. 281, 295, 303; Попов А.Н. Изборник славянских и русских статей и сочинений внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 445.

тупает один из образованнейших русских людей второй половины XVI в.

Несмотря на разгром ереси в начале XVI в. и преследование связанной с нею книжности, последняя продолжала свое существование в виде единого комплекса и находила себе аудиторию среди русских ученых книжников второй половины XVI в. Пример Ивана Рыкова показывает, что в среде этих книжников бытовал вполне определенно выраженный интерес к рациональным естественнонаучным знаниям. Показательно, что носитель запретных знаний имел доступ к высшей придворной знати – его календарно-астрономическое сочинение было составлено по заказу "российского царства царева книгчия"[47].

---

47 Турилов А.А., Чернецов А.В. Софроний, книгчий Ивана Грозного и адресованное ему сочинение. Отметим, что и в тексте запретной книги "Рафли" имеется намек на то, что она также предназначена для коронованого читателя ("...полезны же суще и самем тем венец и багряницу носящим..." – Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 294).